

Георгий ДАНИЕЛИЯ: «Я ИДУ ВДОЛЬ КОРРИДОРА С ХРУПКИМИ СТЕНАМИ...»

Классик отечественного кино, автор таких знаменитых картин, как «Я шагаю по Москве», «Не горюй!», «Афоня», «Осенний марафон», «Мимино» и еще доброго десятка прекрасных лент, живет на Чистых прудах. Полки его шкафов уставлены призами престижнейших кинофестивалей — их у него около восьмидесяти. Стены завешаны картинами корифеев — Федерико Феллини, Чезаре Дзаваттини, Ладно Гудиашили, Резо Габриадзе, собственными озорными рисунками, несущими неподражаемый грузинский колорит. Поэтому и беседу решили начать с истоков — с Грузии... *СК НОВОСТИ — 2000 — ТРЕК — С 6 — 7.*

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ — МОСКВИЧ

— Георгий Николаевич, в одном старом добром грузинском фильме мне запомнился такой ироничный мотив: там каждый грузин, даже нищий крестьянин, обязательно оказывался (или прикидывался) князем. Если следовать логике этой картины, то и у вас обязательно должна отыскаться «голубая кровь»...

— А куда же грузину без нее? Мама моя и впрямь была из дворянской семьи. Ее отец — соответственно, мой дедушка — работал нотариусом. Бабушка говорила на русском без акцента, блестяще знала французский — как и моя мама. Что касается отца, то он происходил как раз из крестьян — такой вот мезальянс. Николай Даниелия оказался одним из первых посланцев советской Грузии в Москве. Учился здесь в институте, затем работал бригадиром проходчиков, руководил строительством станций метро «Кировская», «Бауманская». Мать работала сначала экономистом, потом, будучи родной сестрой великой грузинской актрисы Верико Анджапаридзе и золовкой кинорежиссера Михаила Чиаурели, оказалась в кино. Она работала вторым режиссером на «Мосфильме», была человеком открытым, общительным, светским, обожала гостей. Благодаря ей, у нас дома перебывала едва ли не вся московская кинематографическая и театральная элита — Довженко, Пудовкин, Немирович-Данченко, Качалов, Тарасова... Отец, наоборот, был человеком молчаливым, замкнутым, скрытным, в старости из своей комнаты почти не выходил. В этом смысле я пошел, конечно, в отца. Я не очень-то разговорчив, некоммуникабелен. Терпеть не могу интервью — для вас вот сделал исключение. Добавьте к этому, что я не умею петь в традициях грузинского многоголосия, не научился, что самое страшное, произносить цветастые кавказские тосты — и портрет «настоящего грузина» будет полным...

— Да уж, грузин из вас получается какой-то нетипичный. Язык хоть знаете?

— Дома у нас всегда говорили по-русски. В детстве, юности, я правда, каждое лето гостил в Тбилиси, останавливался у Верико — но там тоже общались на русском. Языком овладел уже в студенческие годы, когда учился в архитектурном институте. Я оказался тогда в одной остроумной, веселой грузинской компании, где все говорили на родном языке. В какой-то момент выяснилось, что я хорошо всех понимаю, потом уже заговорил сам.

— Нынче часто бываете в Тбилиси?

— Давно не был. Кто-то из мудрецов сказал: для статистиков город исчисляется миллионами людей, тысячами домов, а для человека — горсткой его друзей. Когда в последний раз был в Тбилиси, выяснилось, что мне даже некому позвонить. Многие ушли в мир иной, другие, как Резо Габриадзе, Гия Канчели, Вахтанг Кикабидзе, в Грузии практически не живут. На улицах — сплошь незнакомые мне люди. Я там чужой.

— А в Москве свой? «Лицом кавказской национальности» себя не ощущаете?

— Всякое бывает. В прошлом году меня ударил на улице какой-то негодяй. Было скользко, я упал, пока поднялся, он уже был далеко. Еще был такой случай: как-то я стоял в компании сплошь усатых мужчин, одна старушка, проходя мимо, раскричалась: убирайтесь, черномазые, вон из Москвы. Самое смешное, что мои собеседники оказались сплошь русскими, а «лицом кавказской национальности» был один я. В общем, иногда с бытовой ксенофобией приходится сталкиваться, но это все же исключения, а не правило. Москва — большой интернациональный город, здесь живут и корейцы, и армяне, и татары, и чеченцы. Это где-нибудь в воронежской деревне я грузин, а здесь — москвич.

— Стало быть, вы — грузинский москвич. Или московский грузин?

— Не знаю даже, как правильно отвечать. Так уж случилось, что из 70 лет 69 я прожил в Москве. Родной язык для меня

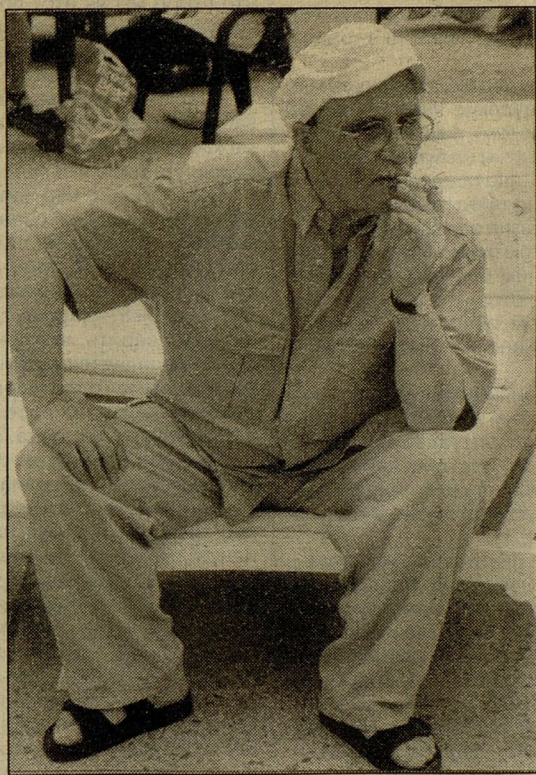
русский. Как и все наше поколение, я воспитан на русской литературе, культуре. Жена Галя у меня русская. Жены у детей и у внуков — русские. Ни дети, ни внуки грузинского языка уже не знают. Когда происходят крупные футбольные баталии, болею за русских и за грузин. А если русские и грузины встретятся в одном матче? То-то будет проблема! И все же, наверное, буду больше переживать за грузин. Все-таки в Грузии — мои корни, гены. Тбилисские знакомые уверяют, что даже по фильму «Я шагаю по Москве» легко вычислить, что его делал грузин. Наверное, так оно и есть. От себя, от голоса своей крови не уйдешь.

ТАЙНЫ ТВОРЧЕСТВА

— А от судьбы, от жизненного предназначения можно уйти? Ведь, поступив в архитектурный институт, вы могли до сегодняшнего дня проектировать стандартные микрорайоны...

— Я, действительно, никогда не мечтал, не грезил о кино, хотя мама с детства таскала меня с собой на съемочную площадку. В девять лет я даже сподобился сняться в фильме «Георгий Саакадзе», но при окончательном монтаже меня, как водится, вырезали. На Высшие режиссерские курсы я пошел от тоски, от отчаяния — надоело проектировать города, которые все равно застраивались по шаблону. Я не был большим говорунуном уже тогда, взяла меня за письменные работы да за жанровые рисунки, которых у меня было великое множество. Из-за своей неразговорчивости я долго числился в аутсайдерах — красиво объяснять свои замыслы да и просто внятно формулировать мысли не умел. Но когда пришло время снимать кино — тут я из последних передвинулся поближе к первым рядам...

— Вашим дебютом в кино стала короткометражка «Васисуалий Лоханкин» — экранизация фрагмента из «Золотого те-

ленка» Ильфа и Петрова. Стало быть, вы сразу вышли на комедийную стезю?

— Ну что вы! Меня все время тянуло в «серьезное» кино. Учася на Высших режиссерских курсах, я хотел в качестве дебюта поставить «Русский характер» Алексея Толстого — вполне драматичную вещь о человеке, который возвращается обожженным с войны. Эту тему не утвердили, только тогда возник «Васисуалий Лоханкин», которого мы поставили вместе с Шухратом Аббасовым. Кстати, это был не только наш дебют, но и Евгения Евстигнеева и Галины Волчек. Вторая моя курсовая работа называлась «Тоже люди» — это был фрагмент из романа Льва Толстого «Война и мир». Эта картина всем

понравилась, ее даже выпустили на экран. Первые мои полнометражные фильмы — «Сережа» и «Путь к причалу» тоже к комедиям не отнесешь. Годы спустя я мечтал перенести на экран «Преступление и наказание» Достоевского, «Хаджи Мурат» Толстого... Для последней работы вместе с Расулом Гамзатовым мы сценарий написали, объездили вместе с оператором Вадимом Юсовым весь Дагестан в поисках природы, я уже начал подбор актеров... Картину в итоге закрыли, не дав мне таким образом вырасти в режиссера трагедийных эпопей.

Но я долго не сдавался. Уже будучи автором многих удачных комедийных фильмов, задумал снять «Поединок» Куприна. Как сейчас помню, нацелился не обращать внимания на умные рассуждения критиков, «что свойственно, а что не свойственно режиссерской манере Даниелия». Сидел дома, писал сценарий, позвонила одна умная дама, спросила, что делаю. Я ответил. Она не смогла скрыть огорчения. «Неужели ты думаешь, что я снимаю плохой фильм?» — уязвлено спросил я. — «Я так не думаю», — ответила она. — «Но «Поединок» очень хорошо смогут экранизировать и Панфилов, и Климов, и еще кто-нибудь. А вот «Я шагаю по Москве», «Не горюй», «Мимино» можешь сделать только ты». И я отодвинул в сторону незавершенную рукопись...

Если задуматься, то экранизировать тот же «Поединок» — задача и в самом деле куда более легкая, чем снять внешне очень простой фильм «Мимино». Переноса на экран Куприна, ты приходишь «на все готовое» — у классика уже замечательно выписаны характеры, отточены диалоги, блистательно воссоздана атмосфера, нужно только всем этим проникнуться. Но, снимая историю про Валико, который Мимино, мне надо буквально из ничего — как говорится, из жизненного сора, из воспоминаний детства, из черточек своих друзей и знакомых, из ночных раздумий — заново сотворить художественную реальность, населить ее узнаваемыми героями, сделать их близкими зрителям. Да еще подать это в смешной, «легкоусвояемой» форме — кино для себя, для узкого круга друзей я не очень жалую.

— Как вы относитесь к тому, что вас называют комедиографом?

— Это термин, только и всего. Нас часто объединяют с Гайдаем и Рязановым в некую комедийную триаду. Но мы все разные! Гайдай — непревзойденный и недооцененный в свое время мастер эксцентрической комедии, у него многое замешано на гэгге, на трюке — вспомните хотя бы погоню мадам Грицацуевой за Остапом по коридорам редакции в фильме «Двенадцать стульев». Рязанов снимает разные фильмы — от смешных («Ирония судьбы») до мелодраматичных («Жестокий романс») и очень драматичных («Дорогая Елена Сергеевна»). Я же много лет иду вдоль некоего коридора с хрупкими, стеклянными стенами. Знаю по многолетнему опыту: как только ненароком вступаю в быт, в «суровую правду жизни» — становится скучно, в первую очередь, мне самому. С другой стороны, голая эксцентрика, смех ради смеха — для меня тоже верная смерть. Я такие вещи нещадно вырезаю. Группа знает: если меня вовремя не остановить, я из двухсерийного фильма могу сделать короткометражку. Но зато она будет смотреться на одном дыхании.

У Марка Твена, который часто читал свои сочинения на публике, я как-то нашел тонкое замечание, чем отличается комедийный рассказ от юмористического. Так вот, в комедийном рассказе автор сразу заявляет: я вас буду смешить. А читая юмористический рассказ, автор сам удивляется, когда в зале возникает смех. В этом смысле я — режиссер «юморис-

тических» фильмов. Например, в том же «Мимино» самый эксцентричный эпизод — это когда мы видим корову, подвешенную к самолету. Но эта сцена, будучи сама по себе смешной, работает в конечном счете на характер главного героя, который не смог отказать старушке, уступил ее просьбам, рискуя при этом карьерой, профессией. Вот такой юмор я люблю, такой подход к героям исповедую. При этом в каждом фильме (а их у меня 15 или 16 — не помню) я стараюсь придумать, изобрести что-то новое — то неожиданный сюжетный ход, то не встречавшийся у меня ранее характер, то окуная вроде знакомых героев в незнакомую среду, как это было, например, в фильме «Кин-дза-дза»...

— Но есть в вашем творчестве и вещи постоянные. Например, вы много лет снимали в каждом своем фильме Евгения Павловича Леонова. Кем он для вас был: своего рода талисманом, другом, родным человеком?

— Да нет, вне кино мы не очень часто общались. Я, например, дружил с Бондарчуком — так мы друг у друга в гостях то и дело бывали. Или, скажем, с Кикабидзе мы уже более тридцати лет дружны — тут тоже все понятно. А с Евгением Павловичем мы чаще только по телефону говорили. Но он был настолько уникальный, самобытный актер, что не снимать его было бы верхом режиссерской глупости. Познакомились мы с ним на фильме «Тридцать три». В нем, кстати, должен был сниматься Юрий Никулин, но он укатил вместе с цирком на гастроли в Австралию. Пришел Леонов, спросил первым делом: «Ну что, будем Ваньку валить или работать всерьез?» — «Всерьез, всерьез!» Так с тех пор мы и зацепились друг за друга. Он часто просил меня: «Смотри, чтоб я ненароком какой-нибудь свой штамп на экран не вытащил». При этом, заметьте, ни в одном моем фильме он не повторился. Солдат в «Не горюй», абсолютно отрицательная роль Короля в «Совсем пропащем», сосед в «Осеннем марафоне», тот же Травкин в «Тридцать три» — это же все разные, порой полярные люди!

При жизни я его даже не спросил ни разу, как ему у меня работается. А когда Леонов умер, мне уже задним числом попала в глаза газета с опубликованным фрагментом из его книги, построенной в форме писем к сыну Андрею. Так были примерно такие строки (цитирую по памяти): «Дорогой Андрюша! Снимаюсь в картине «Слезы капали» у Георгия Даниелия. Как всегда, дико трудно. Как всегда, не знаю, что получится. Как всегда, очень интересно. Дай Бог и тебе встретить на своем пути такого режиссера». Это была мне весточка от него уже Оттуда. Я и сегодня, когда пишу сценарий, бываю, думаю: кого же у меня будет играть Леонов? Потом спохватываюсь: а его-то уже и нет...

— Картины, о которых вы вспоминаете, стали классикой. А как вы относитесь к своим последним фильмам, снятым уже в постперестроечное время?

— За последние 10 лет я снял четыре картины: «Паспорт», «Настя», «Орел и решка», «Фортуна». Редко кому из режиссеров после шестидесяти удается снимать так же продуктивно и ярко, как до шестидесяти. Каждый раз, скажу честно, я со страхом снимал: в нужной ли форме или нет? Все-таки негоже мастеру спорта, каким меня считали, не взять норму первого разряда. Но мне кажется, что на «тройку» я ни разу не снял. «Пятерку», правда, я тоже себе ни за одну из этих картин не поставил бы. В основном — крепкие «четверки». Подчас с «минусом», но иногда даже с «плюсом»...

ЭТОДУ ОПТИМИЗМА

— Наше время трудное, а вы продолжаете снимать светлое, доброе, утеша-

тельное кино. Где находите силы для оптимизма?

— Насчет «утешительного» кино все не так просто. «Осенний марафон», «Слезы капали» — кино, как вы помните, достаточно горькое, грустное. «Кин-дза-дза» — вообще мрачноватая антиутопия, это, если хотите, мой прогноз о будущем человечества. Когда я ставил эту картину, мне меньше всего хотелось впасть в этукую научную фантастику. Мы ведь в кино привыкли, что инопланетяне — это либо последняя надежда землян, либо, наоборот, наши заклятые враги. А в принципе, человечество, как мне кажется, само себя изживает, без всякой помощи извне.

— Вот как? Но это идет вразрез с устоявшимся мнением, что людская цивилизация, несмотря на все промахи и ошибки, все-таки совершенствуется от поколения к поколению...

— Я, увы, так не считаю. Посмотрите: сегодня быстрыми темпами идет перенаселение земли, скоро она не сможет всех прокормить. Уже в скором будущем возможна острая нехватка воды. Экология давно находится на грани катастрофы — мелеют, высыхают озера, реки, моря. Мощное оружие находится нынче не только в руках у государства, но и у частных лиц. СПИД угрожает самому роду людскому. Скажите, какой из этих примеров свидетельствует о прогрессе человечества?

— И как этот горький взгляд на жизнь, на будущее человечества уживается с вашей верностью комедийному жанру?

— Все юмористы, комедиографы рано или поздно становились трагиками. Вспомните Чехова: начинал он как Антоша Чехонте, Человек без селезенки, а закончил жизнь страшной повестью «В овраге». Так ведь он прожил 44 года, а если бы все 70, как я? Так что я стараюсь без надобности не задумываться о будущем, живу сегодняшним днем. Вернее, когда снимаю кино, погружаюсь в тот вымышленный мир, который для меня и есть реальность. Реальность, разумеется, преобразованная, в чем-то волшебная, в которой, однако, существуют все больные вопросы нашего времени.

Возьмем, например, «Настю» — ее часто по телевизору показывают. Вроде бы чистой воды сказочка. Но так ли это? Мы быстро все забываем, но я-то хорошо помню, что снимался фильм в трудное, страшное время, когда казалось, что в стране вот-вот начнется гражданская война. Войны, кстати, в то время шли в моей родной Грузии, в Приднестровье, в Средней Азии. В Москве улицы и площади были грязными, толпы людей торговали едва ли не в каждой подворотне. По проспектам привычно ездил танки и БТРы. Настроение в обществе было ужасное. На экране унылой чередой шли отечественные боевики, которые всюю состязались с американскими в показе жестокости и насилия. Как быть в этой ситуации режиссеру? Окунуть зрителей еще раз в эту страшную реальность? Но это будет бесчеловечно. Не замечать ее? Но это будет нечестно...

Вглядитесь сегодня в «Настю». Там есть эта горькая атмосфера времени. Есть военные, торгующие бензином. Есть пустые магазины, где, кроме ластиков, ничего не продается. Есть убогая хижина главной героини и префект, расположившийся в роскошных апартаментах. Есть танк, который тащит по городу трамвай ввиду хронического отсутствия электричества. Есть военный хор, вдохновенно поющий: «Вот возьму и повешусь, и меня закопают». Наконец, есть шоковая сцена в метро, когда элита в смокингах на презентации неизвестно чего пьет шампанское и ест икру, а несчастные, голодные люди в проезжающей электричке прилипают к окнам, горестно наблюдая этот пир во время чумы...

Вот такое получилось «утешительное» кино. Другое дело, что сверх и помимо этого есть в «Насте» и кое-что еще. Есть вера, есть надежда. Есть светлый ангел, что ли. А откуда он каждый раз возникает в моих картинах — я и не знаю. Может, все дело в том, что сам я при всем своем пессимизме, человек, в сущности, добрый.

ХАРАКТЕР

— Сознайтесь, есть у вас автобиографические фильмы? Можете ли вы, подобно классике, сказать, что «Афоня — это я»?

— Когда пишу сценарий, снимаю кино — всегда отдаю каждому персонажу частичку себя. Конечно, во мне есть и черты Афоня. Но больше всего я раскрылся в фильмах «Не горюй» и «Осенний мара-

фон». Это две разные грани моего характера. В первой картине я рассказал о том периоде своей жизни, когда был страшным кутилой, гулякой...

— И как же ваши загулы выглядели?

— Ну, как это обычно выглядит? Если компания московская, то, значит, с Геней Шпаликовым, Витей Некрасовым мы сидим на кухне, пьем водку, говорим о политике, о прочитанных книжках, о кино. Если компания грузинская, значит, идем в «Арагви», берем ту же водку, лобию, а дальше в ход идут веселые истории, тосты, песнопения. В какой-то момент эти компании стали чередоваться в моей жизни слишком часто. Увлёкся этим делом, начались запои. Когда в 26 лет погиб мой сын Коля — талантливый художник, поэт, музыкант, — я вообще стал пить по-черному. Мысли о самоубийстве стали приходить. Я решил, что надо с этим делом кончать. Не с собой, а с выпивкой. А если уж с собой, то, во всяком случае, в трезвом виде. С тех пор уже лет пятнадцать не пью совсем.

— Юрий Олеша, помнится, говорил, что не пить — так же хорошо, как и пить...

— Я не жалею, что в свое время пил. И не жалею, что бросил это занятие. Свои плюсы есть в каждом состоянии. Один большой чиновник как-то хорошо сказал по этому поводу: когда писатель перестает пить, он перестает писать. Выпившего творца куда только не занесет: то в женское общежитие, то в милицию. А трезвый, он сидит на даче и никого, кроме своего садовника не видит. В итоге писать не о чем, кроме воспоминаний о том времени, когда он пил.

— Вам-то это не грозит. Но мы отвлеклись, вы еще не рассказали про автобиографические мотивы в «Осеннем марафоне»...

— После выхода картины многие приятели говорили мне, что я снял кино про себя, что Бузыкин — это я. Дело, разумеется, не только в любовном треугольнике, через который и я, грешный, тогда как раз прошел. Главное в характере Бузыкина, замечательно сыгранным Олегом Басилашвили — его доброта, переходящая в мягкотелость. Он никому не может сказать твердое «нет», старается войти в положение каждого, в итоге всем делает только хуже, в первую очередь, самому себе. И в этом смысле кино, конечно, про меня. Какая-нибудь Варвара, сыгранная Галей Волчек, очень легко могла бы сесть мне на шею. Я и на площадке такой: меня люди подводят, а я стараюсь их понять, оправдать. Если, случается, обматерю, потом долго переживаю: как же так, человеку теперь плохо. А то, что он сделал плохо мне, как-то забывается...

— Но с чиновниками, которые уродовали ваши фильмы, вы были, полагаю, неуступчивым?

— Очень даже уступчивым. Конечно, можно, было упереться, но в итоге картина попала на полку, как это случилось с фильмом «Тридцать три». Вы представляете: я ее не мог показать на «Мосфильме» Гамзатову, который был членом ЦК, депутатом Верховного Совета СССР и прочая, прочая, прочая... Для режиссера такая ситуация вроде даже почетна: можно в диссиденты записываться. Но ведь любая картина — это труд не только мой, но и многих людей. Поэтому я чаще всего уступал в конфликтных ситуациях. Причем даже в самых нелепых замечаниях старался увидеть некое рациональное зерно. Раз им непонятно — значит, я что-то недодумал. Я вообще люблю прислушиваться к советам, пожеланиям. Если осветители говорят о фильме, обязательно подойду, расспрошу. Без раздражения читаю критические статьи, в которых меня по делу ругают. Все больше пользы, чем от пустой похвалы.

— Да у вас просто золотой характер!

— Характер на самом деле у меня трудный. Я человек замкнутый, неразговорчивый. Моя жена Галя, а она человек общительный, светский, знает: для меня сегодня выйти на улицу, с кем-то общаться, а тем более участвовать в бессмысленных тусовках — сплошное мучение. С любого застолья я смываюсь уже через час — скучно! Дай мне волю, я бы сидел у себя в кабинете, писал сценарии и никто бы меня не видел. Если бы можно было, я бы и кино не снимал...

Впрочем, не буду больше говорить про себя гадости. Пусть зрители думают, что я такой, каким можно меня вообразить по моим фильмам.

Вел беседу Леонид ПАВЛЮЧИК